

Харківська асоціація політологів

Асоціація юристів «Justo titulo»

ABA/CEELI

Дев'яті Харківські політологічні читання

**«СОЦІАЛЬНО–ПОЛІТИЧНИЙ
МЕХАНІЗМ ПРАВОТВОРЧОСТІ»**

(Збірник наукових статей)

Харків, 1999

ПРАВОВАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ «НАИВНОГО СОЗНАНИЯ»

Наряду с правовым сознанием, возникающим на научной основе, можно говорить о «наивном» правовом сознании, носителем которого являются рядовые граждане. Если первое сосредоточено в юридической литературе, то второе растворено в обыденном сознании, здравом смысле. Человек постоянно оперирует правовыми суждениями, черпая их не в юридических справочниках, а в народной мудрости. Отфильтрованный столетиями опыт человечества находит свое выражение в пословицах, которые вносят существенный вклад в формирование «наивной картины мира». Мы стараемся прорисовать правовой сегмент этой панорамы, основываясь на пословицах из сборника «Сомалийские пословицы и поговорки». Составление, перевод, предисловие и примечания Г.Л. Капчица. М., 1983 (в скобках будут указываться номера пословиц).

Жизнь «примитивного» общества управляется неким высшим началом: Глаза зря не плачут (170). Пока барана резать не начнут, его глаза на небо не взглянут (348). Главной карающей инстанцией является провидение (бог, Аллах): Того, кто заставит завизжать (хотя бы и собаку), накажет бог (505). Если бог покалечил какого-то человека, значит, тот это заслужил (741). Кто безжалостен, того бог не жалует (800), (590), (591).

Жизнь во многом регулируется *справедливостью*: Каждому воздается по заслугам (779). Каждому положена награда по заслугам (775). Кто яму (ловушку) роет, того в ней и находят (130). Козу режут на том настиле, на который она сама становится (51). Кто дает добрый совет, тому на долю рай выпадает (860). Щедрый человек нищим не станет (856), (857).

Эта ценность является всеобщей: У справедливости — все мусульмане (524). Она выше других принципов: Гала можешь убить, но будь к нему справедлив (520). Однако, добиться справедливости (у высших должностных лиц) трудно: Выше головы не погладишь (204).

Тем досаднее, что справедливость торжествует не всегда: Ты ему шьешь сандалии, а он тебе саван (240). Ты ему кусок получше кладешь, а он тебе яму роет (239), (318). Не делай добра — и зло к тебе не придет (627), (278). С несправедливостью трудно примириться: Тяжелый груз верблюд тащит, а кривой — не тащит (16).

Как воплощение *справедливости* можно рассматривать *закон*. Его соблюдение является благом: Твой скот оберегут загон и закон (966). Если племя чтит закон [букв.: хээр], в нем нет нищих (884). Рожденный в праве права не отвергает (958). У кого есть дозволенное [букв.: постное], тот запретного [букв.: скоромного] не ищет (785).

Нарушение *закона* оценивается негативно: Нарушенный обычай бога гневит (425). Краденная верблюдица законных верблюжат не рождает (147).

В то же время «примитивное сознание» видит, что *право* уступает *силе*: У кого сила, у того и право (809). Суд криком выигрывают (292). Если право не погоняет сила, оно в загон не идет (956). От кого не избавит кулак, от того не избавит и закон (711). Судебная система несовершенна: За кого большинство из сидящих под деревом, тот и выигрывает дело (731). Законность торжествует не всегда: У кого язык лучше подвешен, тот и отцовское наследство у тебя отспорит (748).

Блюстители закона бывают не на высоте: Не закон крив — у судьи горло кривое (615). Да и быть судьей — дело неблагодарное: Возьмешься судить (чужие) дела — сам виноватым окажешься. (394). Справедливое решение суда не может обрадовать обе стороны сразу (527).

Чем может закончиться соревнование сторон, заранее неизвестно: Прежде, чем идти в суд, подумай, можешь ли ты выиграть дело (107). Многое зависит от свидетеля. Поэтому Лгун свидетеля селит далеко (407), (411). При даче свидетельских показаний могут возникать нравственные коллизии: Сказать, что скот угнали эбраны, нельзя [совестно], но и воров покрывать тоже нельзя [совестно] (442).

«Примитивное» правосознание имеет во многом обвинительный уклон: Что бы ни случилось — винят Хаю (948). Если поле изрыто — виноват крот (86). Если, выходя из загона для ослов, я несую подвойник, (люди скажут, что) я доил ослиц (201), (280). У кого гунти не в порядке, про того думают, что он что-то прячет (249). Если увидишь человека с распоротым животом, не спеши его жалеть — сначала повидай того, кто его убил (140).

Подозрения часто оправдываются: Что рот полон — по щекам видно (43). Если кто-нибудь ест жирное мясо — по нему видно (203).

Если уличен — оправдания не помогут: Как ни трясись, стрела из тела не вывалится (88). Сколько не оправдывайся, а отвечать [за содеянное] придется (962).

В то же время человеческая поддержка важнее формальной истины: Не спрашивай, как нож попал в живот, а спрашивай, чем помочь (человеку) (222).

На скользкий путь стать не трудно: Тот, кто украл нож, прежде украл иглу (279). Тот, кому поручили отбить (у воров) верблюдов, сам их угнал (122). Посягательство на чужее добро карается:

Захочешь (угнать) чужих верблюдов — будет лоб в крови (117). Вор часто выдает сам себя: О вор, кому ты кричал о молнии? (971), (336). Воровство неразумно, ведь краденой вещью не всегда можно воспользоваться: Тот, кто украл барабан, сможет ли на нем играть? (244). Тем не менее, склонность к воровству неискоренима: Отрубили руку, привыкшую хватать, — культя дергается (104). Более того, плуты легко находят общий язык: Если двое ищут молоко (во время засухи), они повстречают друг друга (182), У вора не украдешь (952).

В исключительном случае материальная потеря может компенсироваться моральным приобретением: Если у тебя украли верблюдицу, но это помогло тебе узнать вора, то она пропала не зря (146). Итак, в коллективной памяти «наивного человека» содержится ряд фрагментов, складывающихся в мозаику первичного правового сознания.